

Генезис политической экономии

В “Анти-Дюринге” Энгельс делает экскурс в историю “политической экономии”: *«Политическая экономия в более узком смысле, хотя и возникла в головах гениальных людей в конце XVII века, однако в своей положительной формулировке, которую ей дали физиократы и Адам Смит, по существу представляет собой детище XVIII века и стоит в одном ряду с достижениями современных ей великих французских просветителей, разделяя с ними все достоинства и недостатки того времени. [...] Новая наука была для [тогдашних экономистов] не выражением отношений и потребностей их эпохи, а выражением вечного разума; открытые ею законы производства и обмена были не законами исторически определённой формы экономической деятельности, а вечными законами природы: их выводили из природы человека. Но при внимательном рассмотрении оказывается, что этот человек был просто средним бюргером того времени, находившимся в процессе своего превращения в буржуа»*¹.

В области изучения экономики происходило то же самое, что и в других отраслях науки. [Арриго] Черветто делает следующее замечание, исходя из того, что происходило во Франции: *«Метафизика семнадцатого века – у Декарта и Лейбница – всё ещё была смешана с позитивным содержанием научных открытий в математике, физике, но в начале восемнадцатого века “позитивные науки” утвердились в качестве “автономных сфер”, отделённых от метафизики. Сама метафизика, в свою очередь, стала “пресной” и состояла из одних лишь идеальных понятий. Она утратила всякое доверие в практической конфигурации французской жизни»*². Это “отделение” затронуло и политическую экономию сверху донизу.

В единственной главе “Анти-Дюринга” (X главе второго отдела, посвящённого политической экономии), написанной Марксом, описываются генезис политической экономии и формы, которые она принимала в представлении своих первых великих героев. Маркс приводит два указания из “Капитала” и из “К критике политической экономии”: *«Политическая экономия [...] как самостоятельная наука возникает лишь в мануфактурный период». «Классическая политическая экономия [...] начинается в Англии с Петти, а во Франции с Буагильбера и завершается в Англии Рикардо, а во Франции Сисмонди»*³.

Итак, классическая политическая экономия утверждает себя на мануфактурной фазе капитализма, т. е. в тот период, когда машина играет ещё второстепенную роль в производстве, а производственные процессы несут преобладающий отпечаток ремесленных операций. Эволюция этой науки охватывает около *полутора столетий*, если рассматривать в качестве её временных границ даты публикаций основных трудов экономистов, цитируемых Марксом, – “Трактата о налогах и сборах” Петти 1662 года (первый акт генезиса политической экономии) и “Принципов политической экономии” Рикардо 1817 года (выражение и свидетельство её полного созревания).

В историческом контексте генезиса политической экономии наряду с таким фактором, как степень капиталистического развития, необходимо учитывать изменившееся соотношение сил в Европе и увеличение веса военных расходов. Черветто исследует влияние этих факторов на формирование политических и экономических идей европейской буржуазии в серии статей начала 1990-х годов. В декабре 1993 года Черветто описывает изменения в отношениях держав, которые произошли на континенте за полтора века. Итальянское господство пришло в упадок во второй половине XV века, когда Венеция и Генуя ещё сохраняли своё торговое превосходство и способствовали промышленному развитию ломбардских и тосканских городов. *«Итальянский упадок принесёт с собой развитие политической теории Макиавелли. [...] Проблема военных расходов и того, на кого они ложатся, появляется в эпоху Нового времени из-под утончённого пера синьора Никколо»*⁴.

Черветто продолжает великолепный исторический синтез: *«Между упадком средиземноморского бассейна и подъёмом бассейна атлантического, начавшегося с открытия Америки, две ветви Габсбургов, испанская и австрийская, добились господства над Европой. Они создали союз разрозненных королевств, графств и провинций, доминировавший в течение полутора веков»*.

Эта договорённость рухнула с началом Тридцатилетней войны (1618–1648), которая изменила соотношение сил в ущерб Испании и в пользу Франции. *«После Пиренейского*

трактата 1659 года, санкционировавшего поражение Испании, начинается упадок иберийской державы и ослабление Нидерландов». «Впоследствии, в ходе войн против Англии и по причине потери важных колоний в Америке и Азии, французское превосходство постепенно сходило на нет».

Здесь Черветто вводит тему, которая с момента своего зарождения прямо или косвенно связывает политическую экономию, а до этого меркантилизм, с отношениями держав: *«Сто пятьдесят лет войн за превосходство в Европе несут с собой громадные расходы на армии, оружие и флоты. Военные расходы являются старой политической проблемой. [...] Испанская империя родилась богатой. Она поглощала ресурсы, открытые в Америке»*⁵.

Цитируя историка Пола Кеннеди, Черветто описывает дилеммы, возникающие у испанцев в связи с их чрезмерной экспансией: во второй половине XVI века они не могли ограничить военные расходы в Италии, так как она *«была в буквальном смысле внешним бастионом Испании на пути западной экспансии Османской империи»*; не удалось и сократить расходы во Фландрии во время Восьмидесятилетней войны (1568–1648) против голландцев; гарнизон Фландрии *«даже в разгар Тридцатилетней войны»*⁶ поглощал в пять или шесть раз больше денег, чем предназначалось Германии.

*«Стремительный упадок Испании был подготовлен расходами, – говорит Черветто. – В середине семнадцатого века уже начался подъём таких стран, как Франция, Великобритания, Россия, Австрия и Пруссия, в то время как в упадок приходят Испания, Нидерланды, Швеция, Турция и Польша»*⁷.

В предисловии от 5 мая 1885 года ко II тому “Капитала” [...] Энгельс описывает путь Маркса: его материалистическое видение сначала дало ему ключ к постижению исторического значения понятия прибавочной стоимости и его сейсмической силы в борьбе классов; затем – метод и порядок, использованные для определения, размещения и соединения всех необходимых частей мозаики “Капитала” в рамках живых сил, находящихся в непрерывных метаморфозах, которые в конечном счёте подчиняются специфическим законам капиталистического способа производства. Маркс исследовал и развил фундаментальные следствия разделения капитала на постоянный и переменный, которое могло быть сделано только с классовой точки зрения; попутно Маркс разрешил великое неразрешённое противоречие в теории стоимости Рикардо, которое в конце концов обрело его школу на крах.

«Он видел, что [...] речь шла не о простом констатировании экономического факта, не о противоречии этого факта с вечной справедливостью и истинной моралью, но о таком факте, которому суждено было произвести переворот во всей политической экономии и который давал ключ к пониманию всего капиталистического производства, – давал тому, кто сумел бы им воспользоваться».

Так же как [Антуан-Лоран] Лавуазье [в области химии], Маркс в своей сфере исследовал все ранее найденные категории. *«Для того чтобы знать, что такое прибавочная стоимость, он должен был знать, что такое стоимость. Прежде всего необходимо было подвергнуть критике саму теорию стоимости Рикардо. Итак, Маркс исследовал труд со стороны его свойства создавать стоимость и в первый раз установил, какой труд, почему и как образует стоимость, установил, что стоимость вообще есть не что иное, как кристаллизованный труд этого рода, – пункт, которого до конца дней своих не понимал Родбертус. Маркс исследовал затем отношение товара и денег и показал, как и почему – в силу присущего ему свойства стоимости – товар и товарный обмен должны породить противоположность товара и денег; его основанная на этом теория денег есть первая исчерпывающая теория их, получившая теперь всеобщее молчаливое признание. Он исследовал превращение денег в капитал и доказал, что оно основывается на купле и продаже рабочей силы».*

«Поставив на место труда рабочую силу, свойство создавать стоимость, он разом разрешил одно из затруднений, которое привело к гибели школу Рикардо: невозможность согласовать взаимный обмен капитала и труда с рикардовским законом определения стоимости трудом. Лишь установив разделение капитала на постоянный и переменный, Маркс смог до деталей изобразить действительный ход процесса образования прибавочной стоимости и таким образом объяснить его, чего не сделал ни один из его предшественников; следовательно, он установил различие в самом капитале, различие, с которым решительно не в состоянии были справиться ни Родбертус, ни буржуазные экономисты, но которое даёт ключ для

решения самых запутанных экономических проблем [...]. [...] Далее, он исследовал саму прибавочную стоимость, открыл две её формы: абсолютную и относительную прибавочную стоимость, и показал, какую различную, но в обоих случаях решающую роль играли они в историческом развитии капиталистического производства. Основываясь на теории прибавочной стоимости, он развил первую рациональную теорию заработной платы, какую мы теперь только и имеем, и впервые дал основные черты истории капиталистического накопления и изложил его исторические тенденции»⁸.

Связанное с написанием “Теорий прибавочной стоимости” теоретическое сражение до сих пор многому может научить новые поколения марксистов.

Ноябрь 2022 г.

---

¹ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 155.

² - Черветто А. Метод и партия-наука. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2012. С. 101.

³ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 237.

⁴ - Черветто А. Метод и партия-наука. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2012. С. 84.

⁵ - Там же. С. 85 (*перевод исправлен*).

⁶ - Кеннеди П. Взлёты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. Екатеринбург: Гонзо, 2018. С. 93.

⁷ - Черветто А. Метод и партия-наука. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2012. С. 86.

⁸ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. С. 20, 21.